

Текстовая модальность как семантическая основа текста и важнейшая стилевая категория

ГРИГОРИЙ Я. СОЛГАНИК

(Москва)

Понятие текстовой модальности (ТМ) сравнительно новое в лингвистике. Оно только начинает разрабатываться (Солганик 1984; Тураева 1994). Между тем значение этой категории для функциональной стилистики, лингвистики текста трудно переоценить. Несколько забегаая вперед, можно сказать, что эта категория лежит в основе текстообразования (семантический аспект), строя и тональности речи и во многом конституирует функциональные стили, определяя характер изложения (повествования) в каждом из них.

ТМ формируется на основе тесно связанной с ней субъективной модальности (СМ), под которой понимается отношение говорящего к содержанию высказывания и которая выступает как грамматическое выражение антропоцентричности – важнейшего, фундаментального свойства речи.

Язык располагает многообразными средствами выражения субъективно-модального значения. Обычно сюда относят интонацию, словопорядок, специальные конструкции, повторы, частицы, междометия, вводные слова и вводные сочетания слов, вводные предложения. Как видим, средства выражения СМ даются списком, совокупно. Между тем они представляют собой систему, центр которой не называемое обычно как субъективно-модальное средство местоимение *я*. В языке (вне контекста) оно действительно не имеет субъективно-модального значения, но в высказывании, в тексте (речи)

становится средоточием СМ. Если все остальные средства (вводные единицы и др.) выражают присутствие говорящего косвенно, то местоимение *я* называет говорящего прямо и непосредственно.

Все остальные средства СМ служат выявлению *я* в речи, связаны с ним, подчинены ему. Так, вводные слова, словосочетания, предложения обладают субъективно-модальным значением потому, что выражают отношение говорящего (*я*) к содержанию высказывания. Междометия – это непосредственная реакция говорящего и т.д. Таким образом, *я* – это средоточие, центр поля СМ. И появление *я* в высказывании (тексте) знаменует собой высшую степень СМ. Например:

Стояла звонкая тишина. Лес нахмурился, посуловел. Я шел по тропинке, вглядываясь в темную чащу.

Появление *я* в последнем предложении резко меняет модальный план изложения: объективированное описание сменяется субъективным. И предшествующие появлению *я* картины-фразы воспринимаются уже с точки зрения говорящего, *я*.

Вообще следует подчеркнуть, что *я* и координированные с ним местоимения (*ты, он*) – главные средства ТМ. Переходя из языка в речь (текст), *я* из нейтрального обозначения говорящего становится знаком присутствия говорящего в тексте и в зависимости от контекста, стиля, жанра вносит в речь разнообразные значения СМ.

Для семантики текста с *я* (прежде всего) и другими личными местоимениями связаны главные, существенные свойства текста. Не случайно в основе формирования типов речи лежат именно личные местоимения (речь от 1-го, 2-го, 3-го л.).

В тексте происходит усложнение структуры *я*. Оно не просто переходит из языка в речь, но модифицируется, усложняется. И главное заключается в том, что *я* говорящего, переходя в речь, может совпадать, а может и не совпадать с производителем речи (подробнее см. ниже). И здесь мы сталкиваемся с процессами сугубо текстовыми.

Таким образом, местоимение *я* проявляет свои субъективно-модальные свойства только в высказывании, в тексте. Другие средства обнаруживают СМ как в языке, так и в речи. Иначе говоря, в речи они используются как готовые субъективно-модальные средства. Поэтому представляется рациональным разграничивать языковые (внутримодальные) и текстовые (внешнемодальные) средства СМ.

К первым относятся все субъективно-модальные средства, названные в списке Российской грамматики (см. выше), кроме

интонации, обнаруживаемой на уровне высказывания. К языковым следует отнести и такое важное средство, как субъективно-модальное значение синтаксических конструкций.

Любая синтаксическая конструкция предложения, отражая обобщенно ситуацию, должна отразить и позицию говорящего по отношению к этой ситуации. В предложении обычно мыслится или выражается субъект действия (состояния), а последний обязательно соотносится с производителем речи. И это соотношение служит источником субъективно-модального значения.

Возьмем, к примеру, самые объективированные предложения типа *Ученик рисует*. В подобных предложениях говорящий не присутствует, не выражен, но он подразумевается, находится “за кадром”. *Ученик рисует* подразумевает: ‘Я вижу (мне кажется, я уверен и т. д.), что ученик рисует’. Позиция говорящего – это позиция стороннего наблюдателя. Модальное значение этих предложений: ‘Говорящий описывает ситуацию со стороны’. Иными словами, говорящий находится не внутри ситуации, а вне ее, изображает ее остраненно, объективно, не обнаруживая своего присутствия. Это подчеркнуто объективированное отображение ситуации. Синтаксическая форма подчеркивает объективированность отображения, но не исключает полностью и субъективную точку зрения, стремящуюся к нулю.

Субъективно-модальное значение присуще предложениям любых структурных схем и многообразно проявляется в речи, приобретая в тех или иных контекстах типизированные формы. Общая пресуппозиция любого высказывания – принадлежность его говорящему и, следовательно, то или иное отношение производителя речи к содержанию высказывания. Это отношение (уверенность, сомнение, сожаление, различные эмоции и т.д.) выражается имплицитно самой синтаксической структурой. “Модальное значение есть специфическое значение синтаксического построения; оно может быть присуще только конструкции в целом. Значение неотделимо от формы, они образуют нерасчлняемое единство” (Шведова 1960: 19).

Многообразные языковые субъективно-модальные значения получают полную реализацию в речи, где главную роль играют текстовые (внешнемодальные) средства, а языковые субъективно-модальные средства тесно взаимодействуют с ними.

Главное средство, образующее, конституирующее ТМ, – категория производителя речи. И это естественно. Без него речь невозможна.

Однако отношение “производитель речи – речь” довольно сложно. Производитель речи многообразно и далеко не всегда прямо и непосредственно проявляет себя в речи. Промежуточным звеном между речью и ее производителем выступает субъект речи.

Я пишу.

Ты пишешь.

Он пишет.

Во всех трех предложениях производитель речи может быть один и тот же. Но в первом случае производитель речи может быть один и тот же. Но в первом случае производитель речи и субъект совпадают. Производитель речи говорит о себе (это его собственная речь). Между речью и ее производителем нет никаких зазоров. Во втором предложении субъектом речи выступает тот, кого говорящий (производитель речи) называет *ты*. Производитель несколько отстраняется от собственной речи (появляется некоторый зазор). Производитель речи и ее субъект не совпадают. Однако связь между ними очень тесна: *я* и *ты* взаимно координированы. *Ты* подразумевает *я*. Наибольшая остраненность производителя речи от ее субъекта и от самой речи наблюдается в третьем предложении. Непосредственная связь между производителем речи и ее субъектом отсутствует. Она определяется экстралингвистически: *он* – это лицо, предмет и т.д., которые попадают в сферу видения, понимания, знания и т.д. производителя речи. Здесь совершается наибольший отход производителя речи от собственной речи. Однако хотя производитель не проявляет себя в речи, он подразумевается.

Типы речи, формируемые на основе субъекта речи (местоимений *я*, *ты*, *он*) выражают в целом отмеченные выше значения. При этом наивысшая модальность связана с первым типом (от *я*), менее высокая – со вторым типом (от *ты*) и потенциальная – с третьим типом (от *он*). Источник же субъективно-модального значения соотношение производителя речи и ее субъекта.

Таким образом, первый слой, первая составляющая ТМ определяется отношением говорящего к собственной речи, что выражается в том или ином соотношении производителя и субъекта речи.

Вторая составляющая ТМ – отношение производителя речи к миру, действительности.

Производитель речи, воплощая мысли и чувства, соотносит их с действительностью и выражает свое отношение к сообщаемому. В

языке средствами реализации этих отношений выступают СМ и наклонение. В тексте аналогом этих средств служит ТМ, выражающая отношение производителя речи к тексту и к действительности. Это обязательное качество любого текста. И в рамках каждого речевого произведения это отношение (эти отношения) сохраняется (сохраняются) на всем его протяжении и определяет (определяют) его характер, сущность, качества. Ср. лирическое произведение и газетную заметку, дипломатическую ноту и новеллу. В каждом подобном случае производитель речи ставит себя в определенные отношения к миру и к собственному тексту. Текстовая модальность – это своеобразное наклонение производителя речи к действительности и собственно к речи.

Однако отношение производителя речи к действительности не выражается прямо и непосредственно. Оно всегда опосредствовано языком (речью)¹. Степень же этой опосредствованности, ее шкала чрезвычайно широка. Производитель речи может быть непосредственным участником событий, процессов, наблюдателем, созерцателем, информатором, побудителем, исследователем и т.д. Если суммировать, обобщить возможные позиции, отношения производителя речи к миру, то здесь возможны по крайней мере три отношения (“наклонения”): 1) объективное (говорящий отчуждает себя от действительности, находится вне ее, смотрит на мир со стороны); 2) субъективное (производитель речи отождествляет себя с непосредственными участниками событий, процессов, происходящих в мире; он находится внутри социума и воспринимает мир как деятель, участник); 3) субъективно-объективное (смешанное).

Как выражаются эти отношения в речи?

Естественно, через первую составляющую ТМ. Несовпадение производителя речи и ее субъекта (*Он пишет*) не только характеризует отношение к речи (низшая субъективная модальность), но и формирует отношение к действительности как объективное (а строй речи соответственно объективированный). Совпадение речи и ее субъекта (*я пишу*) формирует субъективное отношение к действительности и соответствующий субъективированный строй речи.

1 Разумеется, возможно и внесловесное отношение человека к миру — мысленное, чувственное, посредством невербального искусства. Однако если иметь в виду человека говорящего, то язык выступает обязательным посредником между производителем речи и действительностью.

Субъективно-объективное отношение к миру создается также отношениями между производителем и субъектом речи, которые приобретают особые свойства. Таким образом, в текстовой модальности (ТМ) следует выделить два компонента: отношение производителя речи к действительности (ср. в языке наклонение) и отношение производителя речи к собственно речи, иначе говоря, соотношение производителя и субъекта речи.

Эти две характеристики, составляющие суть категории ТМ и органически взаимосвязанные, наполняются реальным содержанием в зависимости от характера воплощения социально закрепленного в литературной практике отношения “производитель речи – субъект речи” т.е. в зависимости от функционального стиля и жанра. И многообразие существующих текстов обусловлено именно названными двумя характеристиками речи. По ним довольно четко дифференцируются функциональные стили, которые представляют собой наиболее приемлемую типологию текстов.

Функциональные стили рассматриваются, как правило, на языковом уровне. Однако полностью все черты и особенности функциональных стилей воплощаются и раскрываются в речи (тексте). Поэтому анализ функциональных стилей на речевом уровне должен выявить их основополагающие, конститутивные черты.

Многие исследователи в качестве важнейшего параметра функциональных стилей справедливо выделяют установку (на определенный характер изложения), конструктивный принцип, функцию и т.д. Все эти однородные по содержанию категории реализуются, как можно думать, в ТМ, которая предстает как главный стилеобразующий и стиледифференцирующий фактор. Для каждого функционального стиля характерно определенное отношение к речи и к действительности, что определяет главные черты функционального стиля и фактически конституирует речь (тексты) как функциональный стиль.

В качестве определенных типов текста функциональные стили намечают в самом общем виде характер использования типов речи (от 1-го, 2-го, 3-го л.) и соотношение “производитель речи – субъект речи”. Дальнейшая детализация, конкретизация этих характеристик совершается в жанрах, являющихся формой существования к реализации функциональных стилей, и в конкретных текстах.

Рассмотрим кратко функциональные стили в аспекте ТМ, как реализацию этой категории, воплощение двух ее составляющих –

отношения производителя речи к самой речи (производитель речи, субъект речи) и отношения производителя речи к миру, действительности.

Научный стиль. Производитель речи совпадает с ее субъектом, говорящим (*я*), но степень выраженности *я* минимальна. Производитель речи стремится к объективированию собственного *я*, к устранению личностно-индивидуальных черт. Субъект речи – это, как правило, типизированное *мы* (реже *я*), пользующееся формами выражения, регламентированными в данном стиле. Субъект речи усреднен, максимально обобщен и именно вследствие этой усредненности чаще всего принимает форму *мы* (рассмотрим..., перейдем к..., обратимся...). Отношение “производитель – субъект речи” опосредствовано стилевым узусом, принятой формой изложения. Производитель речи не стремится выявить себя в тексте как личность, индивид: авторское начало приглушено. Главная задача – раскрытие истины, сообщение информации; общее значение ТМ приводит к объективированному характеру изложения (речь от 3-го лица). Итак, внешнемодальные средства выражены очень слабо. Основная сфера проявления текстовой модальности – внутримодальные значения. “Научный текст в большинстве случаев нуждается в очень четком и очень частом обозначении некоторых оттенков модальности. Так, например, невозможность категорического требования или утверждения, которая далась науке долгим и иногда печальным опытом, заставляет ученого менее категорично, более мягко формулировать свои рекомендации, даже если он в них совершенно уверен. Таким образом, появляется большая необходимость в выражении значения «следует, нужно, необходимо»: следует сказать, следует обратить внимание, следует провести опыт и т.д.” (Гроянская 1970).

Отношение производителя речи к действительности – объективное, безэмоциональное (как и познаваемой реальности, сущности).

Разговорная речь. Производитель речи полностью совпадает с субъектом, *я* говорящего. Это единственный стиль, в котором нет “зазоров” между этими категориями. Отсюда такое качество, как естественность (безыскусственность, безусловность) речи и противопоставленность по этому свойству всем остальным стилям. Это своеобразная точка отсчета, эталон, на фоне которого воспринимаются (оцениваются) другие стили. Степень выраженности

я в разговорной речи максимальна (хотя и колеблется в широком диапазоне. Высока эмоциональность речи.

Отношение производителя речи к миру – субъективное, непосредственное, эмоциональное, соответствующее наивной картине мира носителя языка.

Официально-деловой стиль. Производитель речи совпадает с ее субъектом, однако совпадение это минимально. Они разграничены еще более, чем в научной речи. Как правило, производитель речи не конкретная личность, а коллектив, страна, предприятие, учреждение и т.д. в лице их официальных представителей. Поэтому степень выраженности субъекта речи очень мала, незначительна. Формы внешней модальности в языке законов, например, отсутствуют: изложение подчеркнуто безличностно. Предпочитаются структуры внеличностные, вневременной план изложения. Отсюда элиминация эмоциональности, образности, высокая регламентированность речи. Основная сфера проявления ТМ – внутримодальные значения, практически не взаимодействующие с внешнемодальными средствами, очень часто отсутствующими.

Отношение к действительности – объективированно-обобщающее, регламентирующее. Действительность воспринимается как объект нормализации, регламентации, упорядочивания. Текстовая модальность – императивность, констатация, предписывание, регулирование.

Художественный стиль. Главная его особенность – принципиальное несовпадение производителя и субъекта речи. Во всех остальных стилях, кроме разговорной речи, при общем формальном несовпадении производителя и субъекта речи производитель речи частично проявляет себя в тексте, и это оказывает влияние на общую модальность текста, приближая субъект речи к ее реальному производителю. Любая фраза научного текста воспринимается как принадлежащая автору. В художественной же литературе субъект речи (я, ты, он) никогда не отождествляется с реальным производителем речи. Отсюда некоторая условность художественной речи, возможности стилизации, полифонии, стилистическая многослойность и другие ее особенности.

Художественная речь при всей ее эмоциональности всегда объективирована. Объективированность заключается в том, что субъект речи, приобретает самостоятельное значение условного производителя речи – рассказчика, становится условной маской, “об-

разом автора". Однако полного разрыва связи между производителем и субъектом речи не происходит: подлинный голос автора может проявляться в отступлениях (лирических, публицистических).

Отношение производителя речи к действительности – субъективно-объективное, опосредствованное эстетическое. Между производителем речи и действительностью находится созданный в произведении условный, но правдоподобный мир, через который и выражаются не прямые и многозначные (многозначно интерпретируемые) суждения о действительности.

Публицистический стиль. Производитель речи совпадает с ее субъектом. И в этом принципиальное отличие публицистики от художественной речи, главная ее особенность, причина ее воздействия, силы и выразительности.

В отличие же от разговорной речи, где также наблюдается совпадение производителя речи и ее субъекта, я публициста облекается социальными, этическими, идеологическими смыслами. Субъект публицистической речи – это всегда представитель той или иной социальной группы, прямо и нередко открыто, пристрастно, эмоционально высказывающий свои убеждения, взгляды, мнения. При этом спектр эмоциональности чрезвычайно широк, однако главное качество остается неизменным: высказывание дается от лица конкретной личности, что делает речь документальной, подлинной, непосредственной (ср. с условностью художественной речи). В сопоставлении с разговорной речью структура авторского я (субъекта) в публицистике более сложна, включает в себя не только индивидуальные, но и социальные грани личности. Речевая ткань публицистики насыщена проявлениями внешней модальности, которые играют здесь исключительную роль.

Отношение к действительности – субъективно-объективное, прямое, оценивающее и анализирующее, осложненное существующими философскими, политическими, социально-идеологическими теориями.

Таким образом, функциональные стили как определенные типы текстов различаются прежде всего ТМ – определенным отношением производителя речи к действительности и к самой речи. Эти две важнейшие характеристики дифференцируют функциональные стили и служат источником семантического многообразия текстов.

Наряду с семантико-синтаксической структурой, отражающей характер сцепления, развития мыслей, каждый текст обладает модальной структурой, выражающей отношение производителя речи к миру и к самой речи, к ее содержанию. По отношению к семантико-синтаксической структуре – к интеллектуальной, логической, диктальной информации – текстовая модальность выступает как ее речевая форма. Это специфически речевая форма высказывания, синтаксическая семантика текста. И она играет не меньшую роль в текстообразовании, чем специфические средства связи между предложениями, так как текст строится по законам ТМ. В процессе порождения текста происходит согласование модальных значений высказываний – внешне- и внутримодальных.

Поэтому ТМ – важнейшая категория текста, образующая его семантическую основу, определяющая отношение производителя речи к действительности и к самой речи и выражающая тем самым установку на определенный характер изложения. ТМ выступает и как важнейшая категория функциональной стилистики, так как, воплощая установку на тот или иной характер изложения определяет во многом строй и тон речи, ее стилевые качества, отбор языковых и речевых средств и в конечном итоге конституирует функциональные стили как разновидности литературного языка.

Функциональные стили намечают использование речи в самом общем виде. Дальнейшая детализация, конкретизация текстовой модальности совершается в жанрах, являющихся формой существования и реализации стилей. Жанр в известном смысле это устойчивая форма использования того или иного типа (типов) речи и реализация определенного соотношения “производитель – субъект речи”. О связи жанра и лица, от которого ведется речь, писал Р. Якобсон, имея в виду, что особенности различных жанров поэзии обуславливают различную степень использования речевых функций: “Эпическая поэзия, сосредоточенная на третьем лице, в большой степени опирается на коммуникативную функцию языка; лирическая поэзия, направленная на первое лицо, тесно связана с экспрессивной функцией; «поэзия второго лица» пропитана апеллятивной функцией: она либо умоляет, либо не умоляет, – в зависимости от того, кто кому подчинен – первое лицо второму или наоборот” (Якобсон 1975: 203).

По сути дела, речь здесь идет о субъективно-модальном значении лица, от которого строится повествование, о закреплённости в жанровых формах определенных типов речи.

Реальные тексты, воплощая основные черты стилей и жанров, представляют дальнейшую конкретизацию намеченных характеристик, обуславливая многообразные вариации в рамках жанровых форм.

В конкретных текстах происходит взаимодействие, “согласование” всех средств текстовой модальности – внешних и внутренних – образующих единую линию, единую тональность. Покажем хотя бы на одном примере действие текстовой модальности.

Перед нами очерк В.А. Гиляровского *Шипка* (Гиляровский 1960). Вот его начало:

“В 1902 году исполнилось 25 лет со дня русско-турецкой войны 1877 года. Вместе со многими участниками этой войны я поехал на шипкинские торжества.

Мы прибыли на пароходе «Петербург» из Севастополя в болгарский порт Варну, а оттуда все участники шипкинских торжеств должны были двинуться в глубь страны, на Шипку.

Из Варны на Шипку можно было бы попасть с юга Балкан и с севера.

Путь с севера был интереснее. Он давал более наглядное впечатление того, что происходило на Шипке 25 лет назад.

И я выбрал путь с севера”.

Зачин – информационная деловая лаконичная фраза, своеобразный информационный повод для последующего текста (“... исполнилось 25 лет со дня русско-турецкой войны 1877 года”). Фраза объективирована, лишена субъективной модальности. Если брать ее вне контекста, то это сообщение о факте, которое может иметь различное продолжение, например описание войны (Война была тяжелая) или описание 25-летнего периода жизни с 1902 г. И это был бы описательный контекст речи (описательная текстовая модальность). Основа описательности – перфектное значение глагола-сказуемого “исполнилось” (результат в настоящем). В целом зачин – лаконичная, но обстоятельная по содержанию, нейтральная по лексическому наполнению фраза с прямым порядком слов – задает тон спокойного, делового изложения.

Тесно связанная с зачином вторая фраза (“Вместе со многими участниками этой войны я поехал...”) продолжает спокойный, сдержанный тон изложения, однако регистр его меняется. Изложение переходит в план рассказа, нарратива. И главное изменение

производит местоимение *я*. *Я* – это не условная речевая маска, а реальный автор, конкретная личность, В.А. Гиляровский. И дальнейшее изложение, как и зачин, освещается светом этого *я*. Перед нами не просто изложение событий, но рассказ очевидца о том, что он видел, думал, пережил. Дается не только факт, но и отношение к нему, комментарий, вызванный осмыслением и переживанием события. В изложение вносится личностное начало, рассказ приобретает объективно-субъективный характер. Событие характеризуется извне, объективно и изнутри, субъективно (т.е. какой отзвук оно находит в душе рассказчика, свидетеля, участника события). Именно в таком двойственном подходе к действительности и заключается, проявляется текстовая модальность публицистики и очерка как одного из ее жанров.

Я автора, появившись во второй фразе, бросает новый свет на все дальнейшее изложение. Все последующие фразы, даже самые объективированные, остраненные, воспринимаются как субъективно-модально окрашенные.

Ср.: “Мы прибыли...

Из Варны на Шипку можно было попасть... (подразумевается, рассказчику и другим участникам).

Путь с севера был интереснее. Он давал более наглядное впечатление...” (ясно, что интереснее с точки зрения автора).

Разумеется, главное средство текстовой модальности – *я* автора, однако она поддерживается, формируется и другими средствами. Рассмотрим следующий после цитированного отрывок:

“Пароход «Петербург» прибыл в Варну и стоял на рейде, совершенно открытый ветру, который в этот сентябрьский день, к вечеру, перешел в шторм.

Все, кто должен был ехать на Шипку с севера, на катерах и вельботах переехали на берег. Переправа была не из легких! Разгулявшееся море бросало лодочки, то скрывая их за волной, то вынося кверху. Через мол, который виднелся издали с нашего парохода, хлестала волна, сажени на две прыгая выше мола”.

Описание кажется внешне объективированным, однако содержит едва заметные, не бросающиеся в глаза приметы присутствия автора – рассказчика. В первой фразе это причастный оборот “совершенно открытый ветру”, данный, конечно же, “от автора”. Следующая фраза объективирована (“Все, кто должен был ехать...”). Однако затем – авторский комментарий, оценка – восклицательное эмоциональное предложение “Переправа была не из легких!” И последующее описание содержит многочисленные признаки авторского видения

ситуации (шторма). Обозначена даже точка зрения автора – наблюдателя: “Через мол, который виднелся издали с нашего парохода”... В самом же описании обращают на себя внимание (поддерживают текстовую модальность) эмоционально-оценочные слова: “разгулявшееся море”, “лодочки”, “хлестала волна” и др.

И далее общая текстовая модальность поддерживается, усиливается разговорно-инверсивными предложениями, косвенно отмечающими, обнаруживающими авторское присутствие: “Большого труда стоило перевезти багаж с парохода на берег”; “стоять шлюпкам под бортом было невозможно...”.

Я автора, пронизывающее весь очерк, является его композиционным стержнем. В очерке тесно переплетаются две линии: линия объективного рассказа, изложения и линия оценки, переживания событий рассказчиком.

Авторское *я* очерка открывает широкие возможности комментирования, социальной оценки, эмоциональных обобщений. Так, после описания героических действий матросов во время шторма, следует авторское отступление:

“Если я об этом говорю, так потому, что, празднуя четверть века со времени войны, ничего не пришлось сказать о матросах, которые также отличались в турецкую кампанию, также совершали чудеса. Лично испытывая, как единственный пассажир в шлюпке, всю ловкость и смелость молодцов-матросов, я понимаю, что эти люди представляли из себя в военное время!..

Эти люди могут сделать все!

Рулевой Солнцев и его команда – потомки героев прошлой войны, и они сделают то же, что сделали их знаменитые предки.

А таких, как Солнцев и его матросы, сколько угодно! Весь флот наш таков”.

Перед нами типичный публицистический комментарий, отступление от непосредственной линии рассказа, своеобразное социально-политическое, социально-публицистическое обобщение. Однако общая тональность (текстовая модальность) резко не изменяется, но приобретает наивысшее напряжение. Происходит сгущение публицистической текстовой модальности, в целом неравномерно рассредоточенной по всему очерку.

Как показывает анализ, главное средство речевой организации очерка – текстовая модальность в данном случае публицистическая. Отличие ее в полном совпадении производителя речи с ее субъектом и в прямом, непосредственном отношении автора (производителя речи) к действительности. Именно здесь проходит разграничительная линия

между художественной и публицистической речью. В публицистике автор открыто и непосредственно выражает себя, свои мысли, чувства, оценки, свое отношение к миру. Текстовая модальность публицистики – это субъективно-объективное отношение к действительности, в котором субъект речи и является авторским я (производителем речи).

Аналогичную роль – тексто-, стиле- и жанрообразующую – играет ТМ и в других функциональных стилях. Это важнейшая категория функциональных стилей, в которой многообразные языковые и речевые средства объединяются, выполняя общую, единую функцию, формируя установку стиля. Текстовая модальность дифференцирует и конституирует функциональные стили. Поэтому глубокое и всестороннее изучение этой категории представляется важнейшей и актуальной задачей функциональной стилистики и лингвистики текста.

Литература

- Гиляровский В.А., 1960, *Избранное в трех томах*, т. 2, Москва.
Русская грамматика, 1980, *Синтаксис*, т. II, Москва.
Солганик Г.Я., 1984, *К проблеме модальности текста*. – *Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Виноградовские чтения XII-XIII*, Москва.
Троянская Е.С., 1970, *Некоторые особенности функционирования грамматических моделей в стиле научной речи (на материале немецкого языка)*. – *Стилистико-грамматические черты языка научной литературы*, Москва.
Тураева З.Я., 1994, *Лингвистика текста и категория модальности*, “Вопросы языкознания”, № 3.
Шведова Н.Ю., 1960, *Очерки по синтаксису разговорной речи*, Москва.
Якобсон Р., 1975, *Лингвистика и поэтика*. – *Структурализм: “за” и “против”*, Москва.

Textual Modality as the Semantic Foundation of the Text and Important Style Category

The article deals with comparatively new category of linguistics – textual modality. This category is the semantic base of the text; it realizes the fundamental principles of text and comprises various language and speech means of subjective modality. Textual modality expresses the relation of speech producer to the contents of speech and to the extralinguistic reality. The textual modality is the semantic source of various texts and the criterion of the differentiation of functional styles.